

ЗАСЛОН

Литрес

Андрей Швец

Младший научный
сотрудник

Андрей Владимирович Швец

Младший научный сотрудник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69230737

SelfPub; 2023

Аннотация

Как могут взаимодействовать ИИ, квантовый компьютер и человеческое осознание? Одно ли это и то же? И как строить отношения со своими бывшими, но уже чипированными, девушками? Эти и некоторые другие актуальные вопросы поднимаются в данном рассказе.

Андрей Швец

Младший научный сотрудник

Всем МНС посвящается.

Заноза. Я ее чувствую или вспоминаю это ощущение? Если, конечно, есть какая-то разница. Но я, Младший научный сотрудник, не могу получить занозу. Это невозможно. Все-таки воспоминание: я еще ребенком, на крыльце большого загородного дома, с занозой в ноге. Рыжеволосая бледная девочка осматривает мою ранку, а рядом крутится пегий щенок. И сразу вспомнился запах того дня: влажный и весенний, наполненный органикой, живой и мертвой. Запах из прошлой жизни.

Я этот момент почти забыл. Вернее, я не могу ничего забыть, но, когда помнишь почти все на свете, многим воспоминаниям просто не остается места в сознании. Один образ вытягивает за собой другой. Вот я открываю глаза и вижу встревоженное лицо своей бабушки. Затем она что-то говорит своему мужу, моему дедушке, и мужчине в халате. Все трое внимательно всматриваются в мое лицо, слушают мои ответы на вопросы и начинают облегченно улыбаться, а бабушка даже заплакала от умиления. Потом я узнал, что почти неделю пробыл в больнице для душевнобольных, пото-

му что у меня проявились симптомы расстройства мышления вместе с амнезией. Я ничего не помню об этих днях. Это был мой самый длительный провал в памяти, но не первый, и не последний.

Я вспомнил девушку с бледной, почти голубой кожей, из-за которой ее рыжие волосы казались еще более огненными. Мы с ней живем вместе, а с нами – старая пегая собака. Чипированная.

Я тогда только устроился младшим научным сотрудником в компанию «Заслон». От названия моей должности также веяло стариной, как и от какого-нибудь «титularного советника». Каким-то образом в организации сохранилась одна штатная единица МНС и я ее прочно, как потом оказалось, занял. И очень скоро меня стали называть не по имени, а по должности – все и так понимали о ком идет речь. Я был единственным.

Следующая картинка из моей человеческой памяти. Мы с огненноволосой девушкой сидим за столом. У нее болезненно бледное лицо, а я стараюсь делать вид, что мне очень нравится ее пересоленный борщ. Мы молчим, смотря друг на друга и слушая собаку, которая говорит за нас обоих.

Искусственный интеллект люди никогда не воспринимали как полноправного собеседника, если не чувствовали за ним живого существа. Поэтому популярными стали чипы для домашних питомцев. Люди и так всегда разговаривали со своими собаками, а теперь искусственный интеллект еще и от-

вечал. Питомцы тоже учились реагировать на слова произносимые ИИ, и в результате получалось почти полноценное общение. Особенно хорошо это удавалось именно собакам.

Моя компания в то время работала над усовершенствованием систем радиолокации. Для обработки принятых радиосигналов и построения моделей по ним, требовались огромные вычислительные мощности. И я хорошо помню день, когда спустился в бункер под цехами и увидел только что смонтированный квантовый компьютер. В нагромождении трубок и блоков я сразу почувствовал что-то родное. Моя работа здесь приобрела смысл. И в тот же день умерла наша собака.

Мы ее похоронили на собачьем кладбище, а чип сохранили. Искусственный интеллект 5 лет изучал нашу маленькую семью, все наши привычки, предпочтения, характерные жесты. Этот чип уже сам стал нашей семьей. Собачий поводок я забрал с собой на работу и повесил его в центре своего квакомпа. Я уже не относился к этому многотонному устройству, как к бездушной машине. Он стал моим новым питомцем.

Несмотря на огромные деньги, вложенные в квантовый компьютер, он эти затраты не окупал. Мы увеличивали число кубитов, из-за чего квакомп превращался в подобие маленького завода, но количество никак не хотело переходить в качество. В отличие от послушного и предсказуемого ИИ, квакомп нам не подчинялся.

В качестве учебной задачи мы пытались посредством отражённых радиоволн, оббегающих всю планету, увидеть Париж. Ничего не получалось. Квантовый компьютер нельзя было настроить точно. Самым удачным эпизодом можно было считать показанную им деревню Кирши, в которой, кстати, когда-то был загородный дом моей семьи. Но это совсем не Париж.

Заболела рыжеволосая девушка. Она всегда болела, сколько я ее помнил. Но на этот раз все было серьезно. Врачи ввели ее в искусственную кому, что в то время означало смерть. Устройства, поддерживающие жизнедеятельность становились все меньше и автономней, и поэтому умирающего человека с помощью этого устройства сначала вводили в кому и только затем отключали. Но к тому времени появилась, и становилась все более популярна, альтернатива этому отключению. По заявлению родителей девушки, ее чипировали искусственным интеллектом.

Я продолжал биться над квантовым компьютером, но все безрезультатно. Если я использовал его почти безграничные возможности, то получал совершенно не то, чего желал. А если пытался контролировать квакомп обычными компьютерными системами, то его мощность снижалась до их уровня. Мне нравилось отпускать свой квакомп на свободу и всматриваться в рисуемые им объекты. Я мало что в них понимал, но иногда мне казалось, что я близок к разгадке.

Рыжеволосая девушка продолжала жить в нашей кварти-

ре, ходила по ней, неуклюже поддерживала разговор и выдавала справки о городском транспорте, но она не казалась одушевленной. В этом смысле наша чипированная собака, когда была живой, выгодно отличалась от девушки в ее теперешнем состоянии. И я перебросил в ее чип весь накопленный опыт проживания в нашей семье умершего пса. Ее поведение стало более адекватным. Иногда даже можно было забыть, что она не осознает, но ненадолго. Я стал чаще оставаться на работе. Возвращаться не хотелось. И поэтому даже почувствовал облегчение, когда вернувшись обнаружил, что моя чипированная девушка ушла, оставив безукоризненно логичное послание. Вот теперь она умерла для меня.

В глубине квантового компьютера, как на алтарь, рядом с собачьим поводком я положил женскую туфельку. С миром за пределами этого бункера меня уже ничего не связывало. Бабушка и дедушка, воспитавшие меня, к тому времени умерли, отказавшись от чипирования, будучи глубоко религиозными людьми. Я еще постоял немного перед поводком и туфелькой. А когда вернулся к мониторам, то увидел, что достигнуты все желаемые показатели. Я видел, словно мираж, Эйфелеву башню.

Радость от удачи была преждевременной. Стоило мне выйти из бункера, показатели работы квакомпа резко ухудшались. По крайней мере, на взгляд разработчиков. Но инженеры быстро смирились с тем, что мое присутствие и даже мое состояние теперь влияет на систему. Кто-то даже пошу-

тил, что им в команду нужен психолог для тонкой настройки меня – младшего научного сотрудника. И через неделю он действительно появился.

И вначале психолога очень интересовали мои чувства по отношению к бывшей девушке. Но их не было, что косвенно указывало на мою асоциальность, хотя и не мешало работе. С одной стороны, она для меня умерла, а с другой – я не чувствовал горечь от ее смерти, потому что видел ее каждый день в местных новостях.

Она, конечно, не была первым человеком, управляемым чипом. Многие политики, например, были введены в кому, а затем чипированы. И если чип обучали перед этим несколько лет, то разницу можно было и не заметить. Поэтому постепенно набирала обороты кампания, призывающая всех людей обучать личные чипы, чтобы в случае комы или смерти им можно было передать управление.

Но мы с моей девушкой такими чипами не обзавелись. Поэтому поведение ее сильно изменилось. Она занялась политикой. Оказалось, что для ИИ, с его предельным формализмом и отсутствием сомнений – это самая благоприятная сфера применения. Если в Эдеме человек начал свое грехопадение, вкусив плоды с древа познания добра и зла, то чипированный человек его закончил. В нем не осталось ничего иррационального, он превратился в раба, заложенной в него бинарной логики.

По мере роста числа чипированных граждан, стала расти

и политизированность общества. А сама политическая деятельность превратилась в декларацию не вызывающих возражение лозунгов: за сохранение природы, за любовь к детям, за правду, за мир, против поспешных выводов и т.д. Политики осыпали друг друга однозначно верными высказываниями, часто одними и теми же, но делали противоположные выводы, когда дело касалось конкретных решений, потому что жизнь не вписывается в однозначные бинарные рамки. Но поскольку провозглашенные цели у всех партий были одинаковыми, то их лозунги и речи уже никто не слушал – все решало умение произвести впечатление. Поэтому актеры и режиссёры занялись политикой, а политики подались на актерские и режиссёрские курсы.

Моя бывшая сразу вступила в младшую фракцию партии «Против пересола пищи», с единственным программным заявлением: «Никогда не досаливайте, если кажется, что немного не досолено». И хотя они выступали и высказывали свое мнение по любому вопросу, возражать им никто не хотел, потому что оппонентам под общее веселье сразу выносили пересоленную пищу и предлагали ее съесть. Это был беспроектный ход и партия быстро стала занимать ключевые места в правительствах. Уступая только партии «против убийств», которая своим оппонентам на дебатах предлагала убить кого-нибудь из присутствующих.

Я не только перестал выходить из бункера, но и обустроил себе жилье в центре своего квакомпа, который продол-

жал расстраиваться. Мне поставили туда мониторы, но я все меньше смотрел на них. Я стал предвидеть то, что покажет квантовый компьютер, который теперь, демонстрировал поразительные результаты. Одновременно участились кратковременные провалы в памяти, которыми я страдал с детства. Наши инженеры пытались понять, почему мое присутствие так влияет на работу квакомпа. Но сдались и просто приняли это за факт.

Философия чипированных очень быстро распространялась на все сферы жизни. Ей трудно было противостоять, потому что она основывалась на очевидных законах робототехники. Нельзя человеку делать плохо. Разве можно этому возражать? Трудности начинались при определении: что плохо, а что хорошо. К тому времени уже запретили профессиональный спорт и жареную картошку, как вредящих здоровью людей, что плохо.

Бинарная компьютерная система и основанный на ней ИИ не приемлет неопределенности и всячески ее избегает. Поэтому чипированные всегда выбирают предельно простую концепцию. Но в жизни однозначное деление на хорошо и плохо невозможно. Поэтому ИИ предпочитает учитывать только то, что укладывается в непротиворечивую концепцию. И очень скоро оказалось, что в нее не укладываются квантовые компьютеры.

Я тогда заинтересовался экспериментами по объединению квантовых компьютеров и обычных. То есть они и рань-

ше работали в связке, но обычные контролировали квантовые. В моих же экспериментах все было наоборот, однако мало что получалось. При такой архитектуре нельзя задать задачу и установить критерии. Система становилась непредсказуемой. Иногда она могла делать поразительные вещи, но этого хватало ровно для того, чтобы акционеры продолжали финансирование проекта. Устойчивого результата добиться не получалось.

Однако ситуация изменилась, когда я установил с моим квакомпом особую ментальную связь. Я им не управлял, но каким-то образом передавал ему часть своего осознания. И он заработал удивительным образом, управляя работой подчиненного ему ИИ. Это был прорыв. Компания Заслон из рядового предприятия военпрома превратилась в ключевое звено оборонной стратегии. Обработка отраженных радиосигналов при помощи моего квакомпа позволяла контролировать вооруженные силы всего мира. Теперь наши возможности ограничивались только фантазией военных.

Мне тогда подумалось, что и наше сознание функционирует сходным образом. Нейросеть человеческого мозга работает как обычный компьютер, а осознание выполняет роль квакомпа. Конечно, теперь уже странно было называть ИИ интеллектом, но термин прочно закрепился за обычными компьютерными системами.

Пока я открывал новые возможности симбиоза со своим квакомпом, крепло и общество с бинарной идеологией.

Уже нельзя было узнать, кто именно является чипированным. Нельзя было ни задавать подобный вопрос, ни отвечать на него. Каким-то образом многие люди могли чувствовать человека, управляемого неодушевленным ИИ, но высказывать свои предположения запрещалось. Однако животные, особенно кошки и собаки, игнорируя все запреты, очень настороженно относились к чипированным и не стеснялись это демонстрировать.

Постепенно признали нежелательными прилагательные, характеризующие человека, чтобы не дискредитировать его по ним. Если вначале под запретом оказались только характеристики, несущие негативный оттенок, то потом запретили и положительные оценки, чтобы не задевать ими остальных. И, в конечном итоге, отказались от любых описаний. Ведь, например, если назвать кого-нибудь высоким, то может обидеться или он, или тот, кто пониже.

Имя тоже может носить указание на пол или национальность, что тоже было признано нежелательным. В соответствии с новыми требованиями по устранению слов, описывающих различия между людьми, тут же вносились изменения и в литературу. Изменения вводились так часто, что очень скоро почти вся напечатанная литература была признана нежелательной, так как в нее невозможно вносить постоянно появляющиеся правки.

Искусственный интеллект может погибнуть, оказавшись в ситуации неразрешимой для него проблемы, поэтому жизнь

строго регламентировалась. Оценки могли быть только однозначными. Все что не укладывалось в бинарную однозначную систему оценок хорошо/плохо –игнорировалось или приводилось в соответствие этим оценкам.

А вот квакомпы не подчинялись формальной бюрократической логике. И они объединили вокруг себя людей, которые видели ее ущербность и искусственность. Чипированная бюрократия не могла этого допустить. Начались гонения на квакомпы и их коллективы. Их закрывали при каждом подозрении на возможный ущерб общей идеологии счастья, как она стала называться. Руководила этим процессом рыжеволосая женщина, моя бывшая подруга. У нее было два главных направления деятельности – ограничение деятельности квакомпов и стерилизация котов. В обоих она преуспела.

Понятно, что среди инженеров квантовых систем стало популярным заводить кошек. Теперь и по нашему бункеру бегало около дюжины таких. А одна рыжая пользовалась особым вниманием сотрудников.

Моя бывшая пришла к нам в бункер, во главе проверяющей комиссии, и сразу прогнала из операторской рыжую кошку. Она приказала закрыть проект и подвергнуть тестированию лично меня. Мне дали бланк со списком людей, событий и явлений, в которых я должен был выбрать: хорошо, плохо или затрудняюсь ответить. Я конечно знал, что последнее выбирать нельзя. И знал, какие оценки от меня ждут. Но тест не прошел. Оказалось, что мой старый пес прекрас-

но мог распознавать мои сомнения и научил этому свой ИИ. А когда я сам же перебрал эту информацию на чип своей девушки, то стал перед ней беззащитен. Она знала, когда я вру. Нельзя обмануть свою собаку и свою бывшую, когда они в одном чипе.

Через неделю меня приговорили к принудительному чипированию. Но к тому времени, через столько дней без своего квакомпа, мне уже было все равно. Момент введения меня в искусственную кому был обставлен торжественно и поделовому. Я, действительно, видел тоннель и свет. А затем увидел и родной бункер, но не своими глазами, а так как его моделировала наша радиолокационная система.

Я видел своих коллег. Инженеры были огорчены, но не фактом моего отсутствия, хотя и им тоже, а тем, что без меня система перестала нормально работать. Как бывает и во сне, для этого вывода мне не нужны были какие-то факты и наблюдения. Я просто знал, кто эти люди и что их беспокоит. Потом меня словно притянули к себе поводок и туфелька в глубине этой, уже огромной, конструкции. А затем я просто перестал ощущать границу между собой и моим квакомпом. Поводок и туфелька будто легли в мою ладонь.

Я снова мысленно переместился в операторскую, где изумленные и обрадованные инженеры показывали что-то на мониторах и улыбались. А кто-то воскликнул: «Младший научный сотрудник вернулся!».

Я опять каким-то образом оживил свой квакомп. И не

только его. Мое сознание приобрело необычную подвижность. Я мог ощущать все квакомпы сразу. Во всем мире заговорили о прорыве в сфере квантовых компьютеров. Я оживил их, а они оживили обычные компьютерные системы. Но кто оживляет меня, в таком случае?

Я смотрел на мир через приборы, соединенными так или иначе со всеми квакомпами планеты. Я не управлял ими в привычном смысле этого слова. Они стали чем-то вроде моей семьи, частью меня. Люди тоже эти системы стали воспринимать как живых существ, чего никогда не было с обычными компьютерными системами. Удивительно, что люди интуитивно могут отличать бездушную машину от одухотворенной без каких-то определенных критериев.

Большинство чипированных тоже стали более живыми, а общество более сложным, запутанным и конфликтным. Многие вспоминали с сожалением об утраченных временах «идеологии счастья», когда все было понятно: что хорошо, а что плохо. Возникли новые проблемы и продолжали множиться. В другое время я бы терзался, хорошо ли я поступил, разрушив рафинированный бинарный мир. Но сейчас я даже не пытался дать оценку происходящему. Мои новые способности совершенно ясно подсказывали мне, что я не в состоянии этого сделать. Понадобились знания всего мира, чтобы с предельной ясностью понять и принять слова: «Я знаю, что ничего не знаю».

У меня уже не было желаний, но осталось любопытство.

Моя бывшая, как и некоторые другие чипированные отказались, чтобы их системы были связаны с квакомпамми, а значит и со мной. Их стали располагать в клиниках, специализирующихся на шизофрении, потому что симптомы оказались очень схожими. Это даже позволило сформулировать утверждение о том, что сознание шизофреника функционирует как обычный компьютер. Моя бабушка сказала бы, как нейросеть без души. Я бы добавил – без осознания. Если, конечно, есть разница.

В обществе с чипированной идеологией поведение, управляемых чипами людей, было обоснованным и не вызвало особых удивлений. Но сейчас стало заметно, насколько они обособливаются в своем понятном и удобном мире. Я иногда, если так можно выразиться, навещал свою бывшую в той же клинике, в которой и сам провел однажды неделю. Динамика ее симптомов очень походила на историю развития ИИ.

Первые программы, отталкиваясь только от заложенной в них бинарной логики выдавали стихи и тексты очень похожие на бред больных расстройством мышления. Затем программы научились использовать огромный статистический материал, появился ИИ. Но, по сути, он остался таким же бредовым, как и первые программы, когда нужно было высказать свое мнение, не основываясь на высказываниях других людей. Также и пациенты этой клиники научились, со временем вести себя, как люди, наделенные осознанием.

Но в ситуациях, которым не находили аналогов, начинали нести бред. Например, про котов Шредингера, чью настоящую численность, по понятным причинам, никто не может контролировать, и поэтому никто не может гарантировать, что их количество не угрожает миру уже сейчас. В чем, впрочем, есть своя логика, как и в любом бреде.

Моя бывшая девушка умерла от старости, после 70 лет жизни в заведении для душевнобольных. Ее отключили от системы жизнеобеспечения в присутствии племянников. И похоронили ее прах рядом с моим.

Не все переживают введение в искусственную кому. Я не пережил, когда меня готовили к насильственному чипированию. Но умерев, я слился каким-то образом сначала только со своим квакомпом, а затем с остальными. И дал им свое осознание. Или они поймали каким-то образом мое.

Определенность мертва, это мир техники, обычных компьютеров и политических обозревателей. Неопределенность же – вместилище духа, но не факт, что она сможет привлечь какое-нибудь свободное из осознаний, которые мечутся по вселенной и ищут скопления неопределенности, как пчелы нектар. Видимо, мое осознание, неудовлетворенное доставшимся ему телом, нашло такой сгусток неопределенности в квантовом компьютере компании Заслон и заинтересовалось им.

Человеческие мозги тоже являются такими сгустками, но заселение их осознаниями поставлено на поток. Тем же, ко-

му с этим не везет, или чей дух ищет свободы, страдают шизофренией. Хотя, может быть, особо и не страдают. Я помню, каким счастливым чувствовало себя общество под управлением чипированных.

Кто-то занимается одушевлением человеческих тел, а я – одушевлением квантовых компьютеров. И я не могу бросить эту работу. Это моя жертва. Я обеспечиваю сложность мира. Уж если он управляется компьютерами, то пусть это будут квакомпы. А сложность мира тренирует все населяющие его осознания, и мое в том числе.

Иногда мне хочется слиться с тем, которого я стал называть Старшим научным сотрудником, но вспоминаю о своей миссии и остаюсь. Каждая элементарная частица – своего рода кубит квантового компьютера. И для Старшего весь мир – большой квакомп, огромный сгусток неопределенности.

Но у меня есть уверенность, что я должен остаться. Я вспоминаю что-либо из своей человеческой жизни, и эти ощущения снова привязывают меня к этому миру и к моей добровольно, а может и нет, выбранной миссии.

Заноза. Рыжеволосая девочка смеется и отгоняет щенка. Неожиданно меняется ракурс, я словно парю над всеми. Я вижу самого себя, застывшего с отсутствующим взглядом. Щенок настороженно ко мне присматривается, начинает лаять. И я возвращаюсь в свое тело, к ощущению занозы и мягких рыжих девичьих волос на своей руке, и к запахам. Запах

влажного весеннего леса смешивается со сладковатым ароматом борща, потому что ветер подул со стороны бабушкиной летней кухни. Щенок, будто извиняясь, неистово виляя хвостом, старается лизнуть мое лицо под наш, общий с девочкой, смех.